

НАСЛЕДИЕ А. ПУШКИНА В КНИГЕ Д. САМОЙЛОВА «ВОЛНА И КАМЕНЬ»

Книгу Д. Самойлова «Волна и камень» В. Баевский назвал «самой пушкинской книгой» поэта [1, с. 133]. Об этом свидетельствует и название, и большое количество цитат и реминисценций из произведений Пушкина, и само мироощущение Д. Самойлова. Цель данной статьи состоит в том, чтобы проследить, как строится диалог поэта с его предшественником, какие темы оказываются для него важными в книге «Волна и камень» и как они воплощаются.

Выбирая название поэтической книги, поэт переосмысливает устойчивое после «Евгения Онегина» словосочетание, под камнем понимая память о былом, а под волной – жизнь, которая смывает, сметает прошлое, обновляя и оживляя его. Об этом речь идет в стихотворении, задающем тон всей стихотворной книге: «Возвращенье от Анны...». Напомним, что в «Старике Державине» для Д. Самойлова было очень важно прочертить, подчеркнуть значимость преемственности. В стихотворении «Возвращенье от Анны...» возникают такие строки:

До свиданья, Державин,
И его времена.
До свидания, камень,
И да будет волна! [2, с. 156].

Поэт теперь призывает «другое»: «волненье», «печаль», «сверканье», «сиянье без дна» [2, с. 156], которые несет ему «волна». В книге «Волна и камень» традиция прочерчивается тоньше, устанавливается не только с Пушкиным, но и с Тютчевым, Мандельштамом, и более скупыми средствами, чем ранее. Речь идет, например, о том, что поэт откликается на современные споры, скажем, о предназначении поэзии, но делает это путем многочисленных и тонких аллюзий на всю историю русской литературы.

В стихотворении «Стихи и проза» первая строка содержит узнаваемую реминисценцию: «Мужицкий бунт – начало русской прозы» [2, с. 173]. «Началом русской прозы» Д. Самойлов однозначно считает «Капитанскую дочку» Пушкина. Подчеркивает он это противопоставлением пушкинского произведения двум величайшим европейским произведениям: «Не Свифтов смех, не Вертеровы слезы...» [2, с. 173]. Речь идет о «Путешествии Гулливера...», впервые изданном в России в 1772 – 1773 гг. и впоследствии многократно переиздаваемом, эту книгу высоко ценили В. Белинский и Л. Толстой, и о «Страданиях юного Вертера» И.-В. Гёте, роман которого впервые был переведен на русский язык в 1781 г. «Капитанской дочке» Д. Самойлов, таким образом, противопоставляет два мощнейших литературных и умственных влияния, которые, по его мнению, не заслонили значимости пушкинского произведения для развития русской прозы:

Не Свифтов смех, не Вертеровы слезы,
А заячий тулупчик Пугача,
Насильно снятый с барского плеча [2, с. 173].

Здесь поэт несколько заостряет: тулупчик, как известно, был отдан добровольно, но «мужицкий бунт» навсегда стал важнейшей темой русской литературы. Об этом – остальные строфы стихотворения. Здесь упоминаются и «немая Русь, обильна и убога», что отсылает, вероятно, к творчеству Некрасова, и «отреченный граф», т.е. Л. Толстой, который «с огромной силой понял суть боренья: / Что вера без любви – одно смирение, / А при любви – отстаиванье прав...». Поэт вспоминает и о гражданственности произведений Ломоносова. Однако финал стихотворения выводит к размышлениям о современной Д. Самойлову поэзии:

Года бегут, бегут...
И время нас стихам и прозе учит.
И сочинителей российских мучит
Сознание пользы и мужицкий бунт [2, с. 173].

Таким образом, в одном стихотворении представлена своеобразная история русской литературы в ее гражданственном аспекте. И сделать это емко и ясно Д. Самойлову помогло пушкинское слово как развернутая метафора.

Такое же тонкое установление традиции обнаруживаем в стихотворениях «Я ехал по хólмам Богемии...» и «Легкой сатире». В первом случае Д. Самойлов использует лишь слово-сигнал (У Пушкина: «На хólмах Грузии лежит ночная мгла...»). Его строй и содержание совершенно иные, чем у Пушкина, однако оно передает то же состояние лирического героя – «мне грустно и легко», которым исполнено пушкинское произведение.

«Легкая сатира», как «Стихи и проза», посвящена размышлениям о сущности и характере поэтического творчества.

Торопимся, борясь за справедливость,
Позабывая про стыдливость
Исконных в нас, немых основ,
Которые причина снов.
Порой душой командуя, как телом,
Считаем покаяние главным делом
И, может, даже посрамленьем зла [2, с. 174].

Когда же возможности поэтов исчерпаны, они обращаются к природе, которая становится спасительницей и «храмом»:

Нас восхваляет критик наш румяный,
Метафоры любитель и ловец.
И наконец покровы истины туманной
Слетают с ясной стройности словес [2, с. 174].

Пушкинское словосочетание-сигнал «критик румяный» отсылает к известному стихотворению «Румяный критик мой, насмешник толстопузый...». Пушкин пишет «послание», его лирический герой призывает критика «Поди-ка ты сюда, присядь-ка ты со мной, / Попробуй,

сладим ли с проклятою хандрой...» [3 с. 335], у Д. Самойлова форма осмысления сложности творчества иная («сатира»): он утверждает, не одобряет («и тут закусываем удила...», «позабывая про стыдливость» [2, с. 174]), т.е. призывает вернуться к истинному творчеству – без суеты, спешки, возвеличивания собственного таланта.

Такая же форма использования пушкинского «слова» обнаруживается и в стихотворении «Солдат и Марта». Оно тематически не связано с Пушкиным, однако для емкого выражения атмосферы сражения Д. Самойлов использует отрывок цитаты из «Полтавы» – «И грянул бой» [2, с. 184], и сразу же возникает весь комплекс значений, которые связаны с этим пушкинским произведением. А в «Балканских песнях» лишь название отдаленно напоминает «Песни западных славян» Пушкина, однако произведения роднит сам способ работы с народнопоэтическим материалом.

В книге стихов Д. Самойлова еще одно произведение связано с пушкинским творчеством – «Поэт и Старожил». У Пушкина, как известно, есть произведение, которое названо сходно: «Поэт и толпа». Д. Самойлов использует слово «старожил» из 2 главы «Евгения Онегина» и знакомую формулу наименования, а также иронический эпиграф: «... не для битв... для молитв...» и подписывает его: «Рифма из стихотворения Пушкина». Это указание сразу же отсылает к названному стихотворению, в котором использованы подобные рифмы:

Не для житейского волненья,
Не для корысти, не для битв,
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуков сладких и молитв [3, с. 298],

хотя содержательно стихотворение Д. Самойлова далеко от пушкинского произведения. Само сопоставление поэта не с толпой, чернью, а с обывателем («Баня нынче выходная / Зато на Глеб Успенского – пивная. / Там тоже можно время провести» [2, с. 196]) задает иной тон, иной контекст.

Стихотворение «Михайловское», напротив, должно, по нашему мнению, рассматриваться в контексте тех произведений, в которых осмысливается сущность пушкинского творчества («Болдинская осень», «Святогорский монастырь»). Оно состоит всего из двух строф, в которых передано ощущение поэтом состояния природы:

Деревья пели, кипели,
Переливались, текли,
Качались, как колыбели,
И плыли, как корабли.

Всю ночь, до самого света,
Пока не стало светло,
Качалось сердце поэта –
Кипело, пело, текло [2, с. 179].

О Пушкине не сказано ни одного слова, лишь название стихотворения подсказывает, что речь идет о состоянии обитателя Михайловского. В тексте

его подкрепляет и слово «поэта» – так Пушкин назван и в стихотворении «Пестель, Поэт и Анна». В. Баевский обращает внимание на отголосок этого произведения в одном из стихотворений Т. Бек:

Меня не любили вещи –

Терялись, мялись, ползли... [цит. по: 1, с. 164].

Для нас же важным является другое стихотворение, «Поездка в Пушкин», из ее сборника «Замысел». Сюжетно оно напоминает стихотворение «Дом-музей», которое традиционно называется среди произведений пушкинианы Д. Самойлова. В стихотворении Т. Бек совершенно точно обозначен музей – это пушкинский Лицей: «Послезавтра, при входе в Лицей / Надевая музейные тапки, / Я пойму, сколь протяжны и зябки / Коридоры Отчизны моей» [4, с. 19]. Лирическая героиня осознает свое поколение «нерадивыми учениками», которые приходят к Александру и Кюхле, однако его дорога все же лежит «От пустого до зрелого слога – / С пересадкою в Царском Селе!» [4, с. 20].

Стихотворение «Свободный стих («В третьем тысячелетии...»)» занимает в пушкиниане Д. Самойлова особое место. Наверное, это самое необычное стихотворением, написанное поэтом о Пушкине. В наследии поэта есть несколько произведений, которые названы «Свободный стих», а в одном из них сконцентрировано отношение к этой форме поэзии:

Свободный стих –

для лентяев,

для самоучек,

для мистификаторов

(когда без точек и запятых).

Но в руках настоящего мастера

он являет

естественную силу речи,

то есть мысли [2, с. 268].

Эта поэтическая декларация, на наш взгляд, дает ключ к пониманию и стихотворения «Свободный стих («В третьем тысячелетии...»)». Поэт, который полагает, что «Надо быть слишком уверенным / в собственной ценности, / чтобы посметь изъясняться / свободным стихом» [2, с. 268], именно свободным стихом пишет о том, как будет обращаться с историей «Автор повести / О позднем Предхиросимье» [2, 180]. Как отмечал Ст. Рассадин, «герой ”недостовверной истории” Самойлова – русская история, какая она есть и какой только могла быть» [5, с. 65 – 66]. Таким образом, даже самойловская фантазия о том, как проявятся «небольшие сдвиги во времени – / Лет на сто или на двести», должна рассматриваться как признание «физического бытия» русской истории, которая проросла в нас и стала «частью нашего сознания». Это стихотворение анализировал и А. Немзер, полагавший, что «в “Стихах и прозе” (давний и нелегко давшийся замысел) Пушкин встраивался в большой контекст истории русской словесности (и русской истории)» [6]. Исследователь, на наш взгляд, не

вполне справедливо думал, что «пушкинские» стихи, вошедшие в книгу поэта, должны были показать читателю Пушкина как современника, а «Самойлова – его законного наследника, того, кто имеет право говорить о Пушкине и на пушкинском языке. “Свободный стих” (видимо, не случайно занявший финальную позицию в подборке) дополнял “исторические” (в широком и тесном смысле) и “сегодняшний” взгляды на Пушкина взглядом из будущего» [6]. Нам все же думается, что ощущение Д. Самойловым преемственности было органичным и глубоким, не требующим ни деклараций, ни специальных подтверждений. В стихотворении создан фантастический сюжет: Пушкин «поедет во дворец / В серебристом автомобиле / С крепостным шофером Савельичем», будет на аудиенции у Петра I, преподнесет ему свои стихи и, выходя, кивнет Дантесу. Временные и исторические пласты смещены и совмещены, синхронизированы, а в текст введен пушкинский интертекст, который обогащает значение за счет многочисленных ассоциаций. Уже во второй строфе возникает имя из его «Капитанской дочки», вводимое как образ-символ вечного слуги, вечного безропотного холопа, укутывающего барина в заячий тулупчик. «Настоящее» время представлено в произведении упоминанием «серебристого автомобиля» с шофером, «негатива постаревшего Пушкина», напитка, который Петр предлагает поэту – «виски с содовой», а также финалом, в котором впечатление будущего читателя сопоставляется с тем, как наши современники рассматривают «евангельские сюжеты / Мастеров Возрождения»,

Где за плечами гладковолосых мадонн
В итальянских окнах
Открываются тосканские рощи,
А святой Иосиф
Придерживает стареющей рукой
Вечереющие складки флорентийского плаща [2, с. 181].

Конечно, эта картина является своего рода обобщением зрительных впечатлений от полотен эпохи Возрождения, во всяком случае, найти источник одновременного изображения на одной картине «итальянских окон», «тосканских рощ» и «мадонн» довольно затруднительно. Тем более, что св. Иосиф практически не изображался на полотнах светского содержания. Однако можно высказать предположение, что изображение св. Иосифа, находящегося «за плечами» мадонн, Д. Самойлов мог видеть в Эрмитаже на картине Якопо Каруччи Понтормо «Мадонна с Младенцем, св. Иосифом и Иоанном Крестителем». Таким образом, «повесть», в которой Пушкин общается с Петром, так же будет восприниматься читателями нового поколения, как и нынешними зрителями картины эпохи Возрождения, не ощущающими в них реальной исторической подоплеки, не узнающими места, не понимающими значимости той или иной детали.

Время «прошлое» в стихотворении состоит из двух пластов: времени петровского и пушкинского, и это не случайно: Пушкин ощущал свою

тесную связь с Петром и посвятил ему немало произведений. В воображаемой встрече Пушкина с Петром все будет выглядеть так:

За креслом Петра Великого
 Будет стоять
 Седой арап Ганнибал –
 Негатив постаревшего Пушкина [2, с. 180].

Последняя строка отсылает к внешнему сходству поэта со своим предком, интерес к которому у Д. Самойлова был огромным. Он не только упоминает его имя, но специально занимался изучением его генеалогии, о чем свидетельствует, например, написанная им в соавторстве с М. Петровой статья «Загадка Ганнибалова древа» (1988). Мы будем говорить о ней в следующем разделе работы. В стихотворении Ганнибал представлен предком Пушкина, поэт даже дает описание его внешности: «Седой арап Ганнибал», «гортанно произнесет эфиоп», «покашливание старого эфиопа», «улыбнется, / Показывая крепкие зубы / Цвета слоновой кости» [2, с. 180, 181]. «Белокурый» Пушкин, который, «курчавясь, выскочит из кабинета», его радует. Говоря Петру: «Шаркуны, ваше величество», он не удерживается и улыбается вслед своему юному правнуку.

В стихотворении Д. Самойлова Пушкин преподносит Петру свое «последнее творение»: И Пушкин протянет Петру / Стихи, начинающиеся словами / «На берегу пустынных волн...» [2, с. 181]. Пушкин предлагает Петру прочесть поэму «Медный всадник». Именно этот контекст позволяет пояснить и «положительную» оценку ее Петром, и слова «Ужо тебе!..». У Д. Самойлова, конечно, реализуется не весь пушкинский подтекст этого выражения: оно использовано, скорее, как ироническое снижение. Петр возвращает автору слова его героя, используя их в ином значении. Если у Евгения это был протест, обращенный в будущее и связанный с судьбами Петербурга и самой России, то у Д. Самойлова Петр произносит эти слова, пригрозив молодому поэту за скверное поведение.

Интересно проследить, как смещаются пласты времен и в следующей строфе:

Он отпустит Пушкина жестом,
 И тот, курчавясь, выскочит из кабинета
 И легко пролетит
 По паркетам смежного зала,
 Чуть кивнувши Дантесу,
 Дежурному офицеру [2, с.181].

Имя человека, ставшего причиной личной трагедии поэта и его убийцей, в этом контексте глубоко символично: он только дежурный офицер в покоях Петра. Пушкину, «легко» летящему по залам дворца, еще только предстоит пережить известные читателю события, он еще, по словам Ганнибала, «шаркун», «белокурый внук».

В стихотворении Д. Самойлова путем смещения временных пластов достигнуто представление о единстве русской истории, отдельные сюжеты которой (правление Петра, творчество Пушкина и его смерть) через столетия

будут восприниматься как единый сюжет, так же, как мы сегодня воспринимаем как нечто единое многовековую ренессансную эпоху, имеющую совершенно разные черты в разных странах и разных периодах ее развития.

Современный зритель и читатель не трудится над тем, чтобы установить хронологию и разобраться в деталях, он воспринимает события, происходившие много веков назад как единое целое. В стихотворении Д. Самойлова петровская эпоха и пушкинское время взяты как бы с точки зрения многовекового будущего, сжимающего прошлое. Но глубоко симптоматично, что это «прошлое» состоит из важнейших для русской культуры имен как кодов: Петр Великий, открывший России Европу, Ганнибал, предок Пушкина и И. Анненского, и Дантес, символ убийства великих поэтов. «Свободный стих», таким образом, позволял «настоящему мастеру» передать «естественную силу» его представлений, «мысли» о русской истории, которая находилась в центре его творческих поисков.

Книга «Волна и камень» - одна из вершинных в творчестве Д. Самойлова. В ней со всей очевидностью выразилось его мироощущение, отношение к русской истории и современности, размышления о смысле бытия. И одной из важнейших констант его творческого сознания остается Пушкин – поэт и личность.

Литература

1. Баевский В. Давид Самойлов. Поэт и его поколение: Монография [Текст] / Вадим Баевский. – М.: Советский писатель, 1986. – 256 с.
2. Самойлов Д. Избранное: в 2-х тт. / Давид Самойлов. – М.: Художественная литература, 1989. Т. I. – 559 с.
3. Пушкин А.С. Собр. соч.: в 6-ти тт. / Александр Сергеевич Пушкин. – М.: Правда, 1969. Т. I. – 527 с.
4. Бек Т. А. Снегирь: Стихи / Татьяна Бек. – М.: Советский писатель, 1980. – 88 с.
5. Рассадин Ст. Как вода – в лед / Станислав Рассадин // Литературное обозрение. – 1980 – № 2. – С. 62–66.
6. Немзер А. О поэзии Давида Самойлова [Послесловие к сборнику: Давид Самойлов. «Мне выпало все...» (М., «Время», 2000)] / А. Немзер // Часовой и звезда. – 2007. – С.1-15. [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.ruthenia.ru/nemzer/SAMOJ.html.

Анотація

Статтю присвячено осмисленню особливостей поетичного діалогу Д. Самойлова з О. Пушкінім у поетичній книзі «Волна и камень». Аналізується низка творів та зроблено висновок щодо суголосності роздумів Д. Самойлова про російську історію та сучасність світосприйняттю його попередника. Поет вміщує О. Пушкіна у сучасність, бавиться із часом, що створює оригінальну часопросторову комбінацію, в якій середньовіччя, доба Петра та ХХ століття є надзвичайно наближеними.

Ключові слова: пушкінський інтертекст, хронотоп, алюзія, поетичний діалог.

Аннотация

Статья посвящена осмыслению особенностей поэтического диалога Д. Самойлова с А. Пушкиным в поэтической книге «Волна и камень». Анализируется ряд произведений и сделан вывод относительно созвучности размышлений Д. Самойлова о русской истории и современности мировосприятию его предшественника. Поэт вмещает А. Пушкина в современность, играет с временами, что создает оригинальную времяпространственную комбинацию, в которой средневековье, время Петра и XX век, является чрезвычайно приближенным.

Ключевые слова: пушкинский интертекст, хронотоп, аллюзия, поэтический диалог.

Summary

The article is devoted to the comprehension of features of poetic dialogue of D. Samoilov with A. Pushkin in a poetic book «Volna i kamen». The row of works is analyzed and a conclusion is done in relation to consonantness of reflections of D. Samoilov about Russian history and contemporaneity to perception of the world of his predecessor. A poet contains A. Pushkin in contemporaneity, plays with different periods of time, that creates original time and space combination, in which dark ages, Peter's period and XX century are extraordinarily close.

Key words: Pushkin's intertext, khronotop, allusion, poetic dialogue.